

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе

В 1963 г. В. П. Адрианова-Перетц опубликовала текст неизвестной ранее повести, по-особому трактующей мировой сюжет «Поликратова перстня».¹ Эта повесть сохранилась в сборнике конца XVII в. и носит в рукописи заглавие «Притча о истинне господине». Исследовательница очень точно показала, как «сказочный сюжет был использован для доказательства того, что человек бессилён идти против воли божества», в связи с чем «история драгоценного камня представляет как бы иносказание», хотя сам сюжет «не претерпел никакого изменения: находка утерянного предмета в рыбе, как всегда, ведет к счастливой развязке» (С. 200).

С этими наблюдениями нельзя не согласиться. Стоит добавить, впрочем, что нравоучительность памятника подчеркивается и его заглавием: как понятием «истинна господина» — Бога, а не царя, так и жанровым определением — «притча». Последнее, наряду с априорным приоритетом Бога перед царем в завязке повести, что и доказано ее развязкой, позволяет включить Притчу в ряд уже выделенных ранее образцов особого жанра — повести-притчи; как уже говорилось, для них характерны нравоучительность, «подгонка» всего сюжета под заранее высказанный тезис, стилистическое абстрагирование и вместе с тем необычайная открытость для любых беллетристических источников, лишь в определенной системе превращающихся в «притчу».² В ряду последних сказочные мировые сюжеты занимают не последнее место.

Можно дополнить и сведения, приводимые В. П. Адриановой-Перетц, о распространении сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе. Помимо указанной ею Повести о Петре Златые ключи мотив предмета (чаще всего ключей или кольца), найденного в рыбе, известен еще в ряде памятников. Наиболее ранняя фиксация его — в легенде Синайского патерика,³ вошедшей в прологи под 7 декабря с заглавием «О мило-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 199—202. Далее ссылки на это издание в тексте.

² См. Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 38—52.

³ Синайский патерик / Изд. подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967. С. 298—299.

стыни, яко даая милостыню убогим Христу дает и сторицею примет»: ее герои, муж и жена, раздавшие все имение нищим, на единственную найденную «серебряницу» покупают еды и находят в рыбе «камых зело чуден», за который получают денег во много раз больше отданного. С находкой рукописи в рыбе связана легендарная биография Даниила Заточника.⁴ В связи с толкованием евангельского рассказа о статире (Мф. XVII, 27) сюжет о перстне помещен в сборники книгописца Ефросина.⁵ Мотив ключей, найденных в рыбе, известен по разным редакциям Повести о папе Григории,⁶ под влиянием которой он появляется и в Повести об Андрее Критском.⁷

Таким образом, этот мотив оказывается достаточно известным в древнерусской письменности. Вместе с тем необходимо отметить, что первые два рассказа связаны с сюжетом Поликратова перстня лишь второй частью — находкой предмета в рыбе. Для самого же сюжета не менее важна первая часть — потеря того самого предмета, который потом возвращается именно к своему хозяину. Между тем нищелюбцы из патериковой легенды отдают (а не теряют) деньги, а находят камень; рукопись Даниила Заточника не потеряна им, а «в воске» пущена по воде и, таким образом, хозяином не утеряна, а передана потенциальному читателю.

Круг памятников, сохранивших «двухчастность» мотива о Поликратовом перстне — случайная или нарочитая гибель предмета в воде и возвращение его в брюхе рыбы, оказывается более ограниченным и достаточно характерным. Стоит обратить внимание на то, что в легенде Ефросина перстень принадлежит римскому царю, что позволило М. Д. Каган-Тарковской заметить: «Легенда эта заимствована древнерусской письменностью скорее всего из западных христианских источников».⁸ Если учесть, что позднее тот же мотив отмечен лишь в переводных беллетристических памятниках западного происхождения (повести о папе Григории и о Петре Златые ключи),⁹ а в восточнославянском фольклоре мало распространен,¹⁰ то наблюдения исследовательницы представляются вполне справедливыми. Скорее всего, этот мотив действительно пришел «с Запада», где был широко известен, и оказал относительно ограниченное влияние на местное творчество. К этому необходимо добавить, что как во всех перечисленных памятниках, так и в известных сказках мотив этот представляет лишь частный элемент, не составляя основы сюжета. Тем большее значение имеет текст «Притчи о истинне господине», опубликованной В. П. Адриановой-Перетц, где мотив Поликратова перстня является сюжетообразующим и составляет основу всего памятника.

⁴ История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 44.

⁵ Каган-Тарковская М. Д. Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 250—252.

⁶ Римские Деяния. СПб., 1878. Вып. 2. С. 359; Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 184, 188, 190.

⁷ ПЛДР: XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 283; Климова М. Н. О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 44.

⁸ Каган-Тарковская М. Д. Легенда о перстне... С. 251.

⁹ Я не учитываю русскую Повесть об Андрее Критском, поскольку ее автор, как известно, использовал Повесть о папе Григории в качестве источника, а сама Повесть об Андрее позднее испытала вторичные влияния «Папы Григория», см.: Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском: (Проблемы текстологии и литературной истории): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1989.

¹⁰ Международный сюжет, отмеченный у С. Томпсона и А. Аарне (см.: Aarne A., Thompson S. The types of Folktale. Helsinki, 1964. № 736 A), в восточнославянских сказках является лишь элементом более широкого сюжета, см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1976. С. 184, № 736.

В настоящее время обнаружена еще одна обработка той же повести. Она читается в сборнике последней четверти XVIII в., хранящемся в РГБ, собр. Шибанова, № 132, и озаглавлена «О вельможи цареве».¹¹ Здесь полностью сохранена сюжетная схема «Притчи о истинне господине», но внимание перемещено на отношения царя и мудрого советника («воеводы»), оклеветанного завистниками. Соответственно изменены действующие лица и обстоятельства событий, текст сокращен и одновременно дополнен нравоучительными вставками.

Притча начинается с беседы царя с «богобоязливым» мужем «о многих Божиих словесах, о премудрости истинны тайны Господни» (С. 201); царь утверждает, что никто не может «помощи сотворити» тому, кого он не желает миловать, а старый муж возражает, что все это в воле Божией: «Аще ли вышний творец Господь Бог кого помилует, и ты, царю, пожалуешь его. Аще ли Господь Бог владыко прогневается, ...а ты, царь, не умеешь что ему добра сотворити, опроче зла». Рассердившись «яростию великою» на эти слова, царь готовит испытание своему собеседнику.

В завязке повести нет начального диалога. Вместо этого кратко сообщается, что завистливые придворные многократно клеветали царю на его любимого воеводу, пока однажды во время «брани» на царском пиру он не сказал им: «Почто ми, братие, завидите..? Когда меня Господь Бог милует, тогда и царь жалует». Услышавший эти слова царь «начат гневаться» и придумывает, «чимь его искусити и посрамити».

Как видим, уже начальные эпизоды ставят проблему в разных планах. В Притче весь спор начинается и развивается в дальнейшем в своеобразном «философском» аспекте; в повести действие переносится в придворную среду, достаточно точно обрисованную: интриги, царские пиры, возможность «отречься» от царского приглашения и т. п. Вместе с тем текст в повести, достаточно обобщенный, короче Притчи; сокращено, как легко видеть, и высказывание героя о зависимости царской милости от Бога.

В дальнейшем сюжетные схемы совпадают: царь отдает воеводе перстень (мужу — драгоценный камень, золото и серебро),¹² который надо вернуть (или сделать) к утру, велит напоить его допьяна и сам («своима руками») крадет у него драгоценность, чтобы бросить в море. Утром воевода не сразу вспоминает о перстне, в отличие от старого мужа, который обнаруживает пропажу «камыка», но «возверзе на Господа печаль свою». Сходным образом оба они внезапно захотели «рыбы ясти» («возжада душа его яди морские»), покупают у рыболова рыбу и находят в ней дорогую пропажу. Весь эпизод с рыбами особенно подробно, обстоятельно, с бытовыми подробностями рассказан в Притче, где наряду с героем действует и «подружие» его — жена, которая разводит огонь, чистит рыбу, готовит уху и т. п. Повесть в этом случае обходится лишь кратким сообщением, необходимым для развития действия.

Развязка двух памятников также сходна: царь, не ожидавший возвращения драгоценности, удивлен свершившимся и прославляет Бога. В повести концовка ограничена несколькими фразами, в том числе — сообщением о приказе казнить клеветников, «а инех от лица своего отринути»; в Притче весь эпизод обширнее за счет дополнительной беседы с «мужем» наедине, где оба собеседника сообщают друг другу о своих действиях.

¹¹ Когда настоящая статья находилась в печати, был обнаружен еще один список публикуемого памятника в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 908, переписанном С. В. Жюлевым в 1665 г. Новый список представляет собой текст, чрезвычайно близкий шибановскому; незначительные разночтения ограничиваются пропусками отдельных слов.

¹² В скобках — пересказы и цитаты из «Притчи о истинне господине».

Чрезвычайная близость сюжетной схемы двух памятников заставляет поставить вопрос о их взаимоотношениях. Ответ на него должен быть однозначным: «Притча о истинне гоподине» несомненно послужила источником (возможно, опосредованным — установить точнее в настоящее время не удастся) повести «О вельможи цареве». Об этом свидетельствует сохранившийся в последней мотив заказа царя на создание перстня. В Притче он вполне объясним, потому что все соревнование происходит между царем и мастером-ювелиром («муж мудр, хитр сребряному и каменному делу»); именно поэтому царь дает ему «злата и сребра да камень друг бесценен, и повеле себе сделати перстень, и да ему сроку до единого утра» (С. 201). Несмотря на то что в повести место мастера занимает вельможа, царь все равно «даст ему перстень свой зело украшен... И повеле ему во утри день таков же сотворити». О том, что эта фраза является рудиментом более раннего текста, говорит забвение начатого мотива: дальше царь ни разу не вспоминает о «заказе», требуя лишь вернуть собственное кольцо.

Отличительной чертой повести «О вельможи цареве» является довольно обширное отступление о гордости царя, не поверившего во всемогущество Божьей милости: «А не веды, окаянный, что близ есть Господь всегда всем сердцем призывающим во истинну его и уповающим на милость его, никого даже человек погибнет ни в сий век, ни в будуще. Аще бо царь превознесется мыслию своею в сердцы своем, не хотя слышати глаголющих, уповающих на Господа Бога во всем. Бог же, человеколюбец, всемоощень, вся сотворит и самого царя уничтожит, а оного мужа славою превознесе паче первыя славы и чести».

Упоминание о том, что царь «превознесется мыслию своею в сердцы своем», за что Бог «уничтожит» его, сближает памятник с широко распространенным в русской письменности XVII—XVIII вв. повестями о гордом царе. Вероятность их влияния в значительной мере подтверждается тем, что в том же сборнике переписана Повесть о царе Аггее (л. 82—84 об.). Текст «Аггея» в этом списке относится к Основной редакции, но отличается мелкими индивидуальными чтениями;¹³ по-видимому, они были внесены самим переписчиком, явным любителем поучительного, но близкого к сказочному повествования. Примером этого может служить не только рассматриваемая повесть, но и переписанные тем же почерком повести о Басарге, о белом клобуке, о Вавилонском царстве (сказочная редакция). Особое место занимает оригинальное «Слово о мудреце», напоминающее полуфольклорное переложение сюжета о испытании ядом иерусалимского патриарха; этот памятник, впрочем, требует особого исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ВЕЛМОЖИ ЦАРЕВЕ

л. 85 об.

Бысть убо некто воевода славень зело, его ж царь паче всех почиташе. Велможи^а же ему завидяху о доброте и о разуме его и много ко царю клеветующи на него, дабы его до конца возненавидел. И случися всем велможам быти у царя на пиру, велию брань сотворше. Рече им: «Почто ми, братие, завидите, ничто же вам зла сотворих? Когда меня Господь Бог милует, тогда и царь жалует».

^а Испр., в ркп. волможи.

¹³ См.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе... С. 254.

Царь же слышав такову речь от воеводы, и вложи врах в сердце его злую мысль на того воеводу. Начат гневаться и вины искати, чимь его искусити и посрамити, не хотя того слова слышати: когда человека Господь милует, тогда и царь жалует и вси его любят. И запоив его без памяти, л. 86 и даст ему перстень свой зело украшен // златом и камением многоценным. И повеле ему во утри день таков же сотворити. Онъ же примь с радостию сие и сохрани у себе, и все упование свое во всем на Господа Бога положи.

Ему же уснувъши, царь же повеле тихо взяти перстень свой у него, ему же сего ничто же ведущу. Царь же поутру изыде на море плавати и повергл перстень свой в море, дабы его никто же взял оттуду, хотя^б тою виною Бога искусити, сотворшаго небо и землю, и воеводу своего казнити. И глаголаше: «Что се будет?».

А не веды, окаянный, что близ есть Господь всегда всем сердцем призывающим во истинну его и уповающим на милость его, никого даже человек погибает ни в сий век, ни в будуще. Аще бо царь превознесся мыслию своею в сердца своем, не хотя слышати глаголющих, уповающих на Господа Бога во всем. Бог же, человеколюбец, всемоощенъ, вся сотворит л. 86 об. и самого царя уничижит, а оного мужа // славою превознесе паче первыя славы и чести.

Царь же той наутрия посла по воеводу, велит скоро приити к себе. Он же, воевода, отречесе того дня быти, ничто же ведяше о перстни том, яко царь хочет его о том истязати.

И паки Божиим промыслом воевода той восхоте рыбы ясти и посла к рыболову на море той рыбы ловити. И милостию Божиею множество рыб яша. И принесша в дом, начаша рыбы те чистити. И обретоша во единой рыбе перстень царев, и вдаша^в господину своему.

Он же яко от сна возбудися и, ничто же ведый царева повеления, зело радостен бысть. И пришет пред царя, покланяясь ему, прощения прося. Царь же рече ему: «Даждь ми перстень, его же ти вчера дах». — Он же вда ему перстень.

Царь же велми удивися преславныя благодати Божии и прослави Бога, и рече: «Во истинну тако есть: кого Бог милует, того и царь жалует». — И повеле клеветящих на него казнити, а инех от лица своего отринути. А того воеводу возлюби паче первыя чести.

(РГБ, ф. 344, собр. Шибанова, № 132, л. 85 об.—86 об.).

^б В ркп. т испр. из д. ^в Испр., в ркп. ваша.